

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забывтый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рапсодия Богемской

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

ТАНЕЦ ИДЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.
Д69 Танец Иды / Елена Дорош. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238081-5

Анна Чебнева, сотрудник ленинградского УГРО, велла расследование серии вооруженных ограблений сберегательных касс. Преступникам долго везло, но однажды налетчики все же попались, и один из них был застрелен при попытке к бегству. После этого кто-то похитил маленькую дочь Анны, и ее увезли из страны. Зачем понадобился столь хитрый ход и только ли месть двигала матерым главарем банды? Поможет ли кто-нибудь Анне и при чем тут знаменитая танцовщица Ида Рубинштейн?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош. Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238081-5

КАМА БЕЗ НЕЕ

Ла-Манш пересекали долго и скучно. Из-за болтанки пароход тащился со скоростью черепахи. Ветер постоянно менял направление, поэтому дым из трубы то и дело начинал валить прямо в лицо пассажирам. Находиться на палубе было практически невозможно, а торчать все время в каюте — от тоски помереть можно.

Кама большую часть времени проводил за чтением, изредка выходя на воздух покурить. Иногда к его променаду присоединялся Джокер. Болтанка была ему ни о чем, но скользкая и вечно мокрая палуба псу не нравилась, поэтому, выгавкав наружу свой худой зад, он тут же устраивался где-нибудь под лавкой. Иногда при особо сильном ветре Кама хотелось к нему присоединиться. Он сел на паром в Шербуре и теперь гадал, успел ли Яков, отправившийся из Гавра, прибыть раньше его. Это было важно. К его появлению в Лондоне все

организационные проблемы должны быть решены, а встречи назначены.

Впрочем, мысли на эту тему были скорее возможностью переключить мозг с гораздо более тревожных дум.

Получая тубу с двумя картинами Леонардо да Винчи, вывезенными в девятнадцатом году из России, посланец передал ему личную благодарность комиссара и тут же озвучил новое поручение. Это было неожиданно. Кама рассчитывал на небольшую передышку, во время которой мог попасть в Петроград. Он уже поверил, что это возможно, рассчитал время, выстроил и продумал пути передвижения. Но недаром говорят, что человек предполагает, а Бог располагает.

Полученное задание было плохо тем, что отдавало его возвращение в Россию даже не на недели. На месяцы.

— Я понял, — ответил Егер посланцу. — Готов к выполнению.

Наконец томительное путешествие закончилось. Из Портсмута автомобиль довольно шустро примчал его в Гиллфорд, и мрачное настроение удалось постепенно вытеснить, заменив нетерпеливым ожиданием активных действий.

В Гиллфорде он пересел в арендованный автомобиль и почувствовал, что настроен на работу.

Встреча со связным должна была состояться на благотворительном вечере в честь вдов офи-

церов, погибших в Первой мировой. Такие мероприятия обычно пользуются успехом среди членов парламента и депутатов. А уж хорошенькие вдовушки на подобные вечера валом валят. Вдруг удастся поправить не только материальное, но и семейное положение.

Кама прибыл на вечер в приличествующем уровню мероприятия смокинге в сочетании с серым галстуком. Оглядевшись, понял, что Яков, как всегда, рассчитал точно. Наряд позволил раствориться в толпе и никому не бросаться в глаза. Особенно вдовушкам, кидающим на благотворителей алчные взоры.

Его место, предпоследнее в ряду, находилось справа от сцены рядом с боковым выходом. Тоже удачно. Кресло справа пустовало.

Не успел Кама осмотреться, как свет приглушили и на сцене появилась пожилая дама в траурном наряде.

— Вдова маршала Вилсона, застреленного месяц назад террористами из ИРА, — прошептал сосед слева.

Поприветствовав публику, ведущая объявила первый номер программы:

— Знаменитый Григорий Пятигорский и не менее знаменитый Альберт Эйнштейн! Приветствуйте, господа!

Первым на сцену вышел виолончелист Пятигорский, которого Кама помнил еще с блистательных концертов в Петербурге.

Пока он настраивал инструмент, Кама гадал, какое отношение музыкант может иметь к великому физику. Неужели Альберт Эйнштейн собирается таким необычным способом презентовать теорию относительности?

Он даже оглянулся в поисках недоуменных — как и у него в эту минуту — лиц. Однако, похоже, для остальной публики подобное сочетание было не в диковинку.

«Наверное, таким образом легче приманивать благотворителей», — решил он и вместе со всеми заплодировал появившемуся на сцене в помятом костюме Эйнштейну.

Он с интересом ждал начала необычного выступления, но, к его удивлению, Альберт вдруг достал стыдливо спрятанную за спиной скрипку и, кивнув Пятигорскому, взмахнул смычком.

Они сыграли ноктюрн Гайдна, потом небольшую пьесу Брамса. И все это время Егер не сводил с Эйнштейна изумленных глаз.

— Говорят, в прошлом году ему наконец присудили Нобелевскую премию, — прошептал пожилой джентльмен слева, — но всего лишь за теорию фотоэлектрического эффекта. Как будто больше не за что!

— Я всегда говорил, что в Нобелевском комитете сидят одни тупицы, — согласился собеседник. — Однажды Эйнштейн сказал, что бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая, хотя относительно первой у него имеются сомне-

ния. Начиная с девятьсот десятого Эйнштейна выдвигают каждый год, но безрезультатно.

— Стоит ли удивляться? Эйнштейн опровергает все, с чего эти вялые академики кормились годами!

— К тому же он, говорят, коммунист.

— Думаю, они смогли бы пережить это, не будь он евреем. На родине, в Германии, Эйнштейна просто затравили, я слышал.

— В газетах звучали призывы к убийству! Именно это вынудило его уехать.

— Ставлю на Эйнштейна. В конце концов, если надоест воевать с мракобесами, он сможет зарабатывать игрой на скрипке, — неожиданно услышал Кама шепот справа и покосился на севшего рядом человека.

Не отвечая, Кама кивнул.

— Завтра на Трафальгарской площади митинг, — негромко продолжил незнакомец. — Стойте ближе к колонне Нельсона. Я сам подойду к вам.

— Сегодняшняя встреча — лишняя осторожность?

— Нет. Я должен показать интересующего нас человека. По диагонали от вас в третьем ряду.

— Вижу.

— Его имя Уинстон Черчилль. Все остальное завтра.

В этот миг звуки виолончели и скрипки оборвались на немислимо высокой ноте. Зал зааплодировал. Пятигорский поклонился в ответ

с некоторой небрежностью, всячески демонстрируя, что восторги толпы ему давно прискучили. Эйнштейн кланялся так, словно сомневался, ему ли предназначаются аплодисменты.

Некоторые зрители поднялись с мест. В их числе полный лысоватый мужчина, который с этого момента становился самым важным для Егера человеком.

Выходя из здания, Кама снова увидел его. Черчилль стоял в стороне от толпы и раскуривал сигару, задумчиво глядя на вычурные башенки Вестминстерского аббатства, видные издалека.

Ну что ж, мистер Черчилль, будем знакомы.

Митинг либеральной партии собрал не слишком много народу, однако достаточно, чтобы репортеры, снимая происходящее с нужного ракурса, на следующий день написали в газетах, что англичане с энтузиазмом и верой в светлое будущее страны поддерживают правящий кабинет.

Опираясь на постамент одного из четырех бронзовых львов, окружавших колонну Нельсона, Егер слушал выступавшего Черчилля. Политик умел удерживать внимание толпы не только яркой речью. Покоряло другое — его убежденность и, как ни странно, искренность.

Кама даже заслушался.

— Что скажете? — поинтересовался вчерашний незнакомец, подойдя сзади.

— Впечатляет, — ответил Егер.

— Пройдемся до Чаринг-Кросс.

Они неторопливо пошли по направлению к вокзалу.

— Я не представился вчера. Генри Темпл.

— Рад знакомству. Мое имя вам известно.

— Разумеется, мистер Джонсон.

Пошел дождь. Темпл раскрыл зонт и уже другим тоном сказал:

— Теперь к делу. В шестнадцатом, когда премьер-министром стал Ллойд Джордж, а они с Черчиллем давние друзья, Уинстон получил пост министра военного снабжения, а после войны — военного министра. На этой должности Черчилль стал одним из инициаторов интервенции, добился, чтобы Великобритания оказала помощь белогвардейскому движению. Во время одного из выступлений он сказал, что большевизм надо задушить в колыбели. В общем, сволочь редкостная, но дело не в этом. Мы получили задание притормозить этого британского бульдога.

— На митинге его представили как министра по делам колоний.

— Совершенно верно, однако мы должны думать о будущем. Заранее, так сказать, соломки себе подстелить. В этом году состоятся новые выборы. Черчилль готовится снова попасть в парламент и вернуть пост военного министра.

— Какова задача?

— Он не должен выиграть эти выборы. Сейчас ему уже сорок восемь. Пора утомониться и не лезть в политику.

— На скрипке учиться играть?

— Зачем на скрипке? Черчилль — неплохой художник. Пейзажи рисует, а также пробует себя на ниве литературы.

— То есть политическое убийство не рассматривается?

— Если бы речь шла об убийстве, со мной сейчас разговаривали бы совсем другие люди. Подобный вариант тоже прорабатывался, не скрою, но только на крайний случай. Вас решено привлечь как специалиста по неординарным решениям.

— Я польщен.

— Это не комплимент, Джонсон. Времени мало. Кампания двадцать второго года набирает обороты, и Черчилль уже всюду бьет копытом. Сами слышали. На раздумья у вас не более недели — двух. Я осознаю, что вас подключили слишком поздно, но тем не менее решать проблему придется вам. Если нужен помощник...

— Не нужен.

— Мои люди собрали для вас некоторые данные по этом типу: распорядок дня, перемещения, круг общения, семья, в общем, все, что может пригодиться.

— Связь через вас?

— Нет. На этот случай есть специальный человек. Вы увидите его завтра в Оксфорде. Он преподает в одном из колледжей. Заодно будет возможность взглянуть на самый престижный

в мире университет. Говорят, там интересно. В свое время я мечтал в нем учиться.

Кама посмотрел на собеседника с интересом.

— Не удивляйтесь. Мой отец русский, а мать англичанка из Лутона. Это как раз между Кембриджем и Оксфордом. Она хотела, чтобы я уехал из России, и готовила меня, заставляя ежедневно заниматься английским.

— Теперь я понял: у вас оксфордский акцент.

— Уловили? — рассмеялся собеседник. — Значит, не нужно уточнять, какой из двух университетов выбрала для меня мать?

— Она вас очень сильно любила.

— И желала лучшей доли.

Это прозвучало несколько двусмысленно, но Кама не стал уточнять. Совершенно очевидно, что и имя, которым назвался собеседник, и история про заботливую матушку — всего лишь часть легенды и к реальности не имеет никакого отношения.

— Уточните по Оксфорду, мистер Темпл.

— Публичная лекция, не более. Вход для всех желающих. Тот, кто вам нужен, подойдет сам после окончания.

— Что я должен сказать?

— Ничего. Он знает вас в лицо. Завтрашняя встреча — просто знакомство. В дальнейшем будете передавать информацию через него. Публичные лекции каждые вторник и пятницу.

— Понял.

— Тогда прощайте, мистер Джонсон. Мой поезд отходит через пятнадцать минут.

Приподняв шляпу, Темпл улыбнулся и повернул к зданию Чаринг-Кросс.

Дождь лил все сильнее. Кама раскрыл зонт и неторопливо двинулся в сторону Пикадилли.

Встреча со связным в Оксфорде прошла штатно, как и положено опытным агентам. В Лондон Кама вернулся поздно вечером и сразу полез в ванну. Он любил думать, лежа в воде.

Джокер, встав на задние лапы, заглянул ему в лицо.

— Прости, что не взял с собой, — повинулся перед напарником Кама.

Пес наморщил лоб.

— Не переживай, дружище. Случай отличиться еще представится.

Джокер фыркнул и потрусил прочь. Кама закрыл глаза.

Будем думать.

Родился, учился, воевал, писал для газет. Женится. Через жену? Нет, там все надежно. Наследственная депрессия? Неплохо, но не то. Много курит и пьет, отсюда подозрения на язву или приступ аппендицита. А вот это ближе к теме.

— Мне нужны данные на врача, услугами которого пользуется наш друг Уинстон Черчилль, — сказал он Якову утром.

Яков покосился, но ничего не сказал. Удивляться — не его стиль.

В Англии в тот раз Егер пробыл без малого три недели.

Черчилль не смог как следует провести избирательную кампанию двадцать второго года. Совершенно неожиданно для всех с ним случился приступ аппендицита, потребовавший срочной операции. В результате впервые за двадцать с лишним лет Уинстон не попал в парламент, оставшись не только без министерского поста, но и без аппендикса.

Все было довольно печально, но не для Егера. Впрочем, Кама не сомневался, что передышка не будет долгой, и Уинстон непременно вернется в политику.

— Но не сейчас, мой милый, — произнес Егер себе под нос, сунув в рот сигарету и глядя на исчезающий за бортом в самом деле туманный Альбион.

На обратном пути он задержался в Брюсселе, где его появления ждал доверенный человек.

Во Францию вернулся через неделю, надеясь предпринять еще одну попытку попасть в Россию.

Но вместо этого выехал в Берлин.

Советской России позарез нужны были данные по новому оружию, которое начали разрабатывать немецкие ученые.

Потом снова был Лондон, после него Вашингтон и опять Париж.

В Париже пришлось задержаться надолго. У советской власти во Франции были особые интересы.

АННА БЕЗ НЕГО

Фефа переживала за роды Анны так, что чуть сама не попала в больницу. Давление подскочило до небес, а сердце, по ее собственному определению, наоборот, ушло в пятки.

На фоне ее психоза Анна была абсолютно спокойна и ни о чем не волновалась.

А причины для волнения были, и немалые.

Девяностолетняя повитуха, призванная Фейфой из запаса, сокрушалась, что таз у роженицы узкий, а ребеночек вызрел на славу.

— Фунтов на девять потянет, голуба! Раскормила ты его!

Как она умудрилась раскормить ребенка, постоянно недоедая и находясь на такой работе, как Петроградский уголовный розыск, не совсем понятно, но думать об этом было некогда.

Анна расследовала дело о двойном убийстве и была занята от зари до полуночи, радуясь тому,

что в великоватой ей тужурке и толстом свитере, который она стала носить по весне, сменив к лету на просторную рубаху, живот почти не виден.

Некоторые в отделе не догадывались о ее состоянии вплоть до того дня, когда прямо из квартиры потерпевших от рук грабителей почтенных обывателей ее пришлось везти в больницу.

— К хирургу? — спросил Бездельный, оглядываясь на нее, лежащую с гримасой страдания на заднем сиденье автомобиля.

— К акушерке! — крикнула она.

Бездельный не ответил, но в зеркало она увидела его лицо. Если бы не было так больно, она хохотала бы до колик в животе, настолько очумелый вид у него оказался.

Родила она легко. Малышка просто выкатилась в подставленные руки доктора.

— Вот так колобок! — удивился он.

Потом так и называл ее все время — Колобок, даром что получилась девочка вовсе не крупной.

Роды прошли успешно, но на следующий день у Анны началась горячка.

Доктор, которого звали то ли Семен, то ли Иван Павлович, — она все никак не могла разобраться, — никому не позволил к ней подходить. Занялся ее лечением сам.

Позже она узнала, что настоящее имя врача — Жан-Поль Симон, и был он потомком бежавших от гонений в период реставрации Бурбонов французов. Каким манером с той далекой поры

он сумел сохранить французское имя, оставалось для нее загадкой, которую Иван Павлович разрешил сам, открыв под большим секретом, что его предки появились в России лишь тридцать лет назад: отец в надежде разбогатеть приехал работать куафером.

— Про то, что мои предки брали Бастилию, наплеал во избежание претензий со стороны новой власти, — признался он, хитро поблескивая глазами. — Согласитесь, потомок революционеров звучит лучше, чем потомок цирюльника.

Во внешности доктора французские корни не прослеживались вовсе. Нос не имел характерной формы и размера, а голова поседела и смело могла принадлежать хоть южанину, хоть выходцу из Сибири. В больнице его французскую фамилию переиначили на свой лад. Анна в шутку стала звать его товарищ Семен. Ему нравилось.

Однажды он предложил общаться между собой на французском. Анна, считавшая, что все давно забыла, решила попробовать и удивилась, когда оказалось: все не так уж плохо. Вечерами суета в больнице немного стихала, у доктора появлялось свободное время, и они болтали часами. Анне казалось, что за разговорами болезнь забывается и постепенно уходит прочь.

Симон это видел и радовался.

Проваливаясь Анна в госпитале без малого две недели, и все это время Маша — так она назвала дочь — оставалась на попечении Фефы.

Фефа приходила ее навещать, но девочку с собой не брала: боялась больничной заразы. Анна сердилась, но делать нечего, — сцеживала молоко в бутылочку и отдавала в теплые руки няни.

Доктор Симон заходил несколько раз за день, осматривал, задавал вопросы и просто посиживал на стульчике рядом с кроватью, развлекая больную разговорами.

В конце концов даже Анна, — уж на что тугодумная, — а и то догадалась, что приходит он не как врач.

Догадалась и тут же засобиравшись домой.

Как ни старались ее удержать, она никого не слушала.

Доктор как раз отсутствовал, так что объясняться не пришлось. Не то чтобы она трусила, просто не было сил.

В квартирке на Кировной пахло хозяйственным мылом и еще чем-то неописуемо милым, — Анна для себя определила это как запах ребенка.

Она сняла туфли и прошла в комнатку Фефы, почувствовав, что ребенка следует искать именно там.

И угадала. Посреди кровати на перине в окружении наглаженных пеленок, обложенная со всех сторон одеялами, спала Маша, а рядом на кушетке кемарила Фефа, сжимая в руках бутылочку с молоком.

Анна склонилась над дочерью.

— Маша, — прошептала она беззвучно.

Девочка взмахнула ресницами, посмотрела на нее яркими светлыми глазами и улыбнулась.

Так началась их новая жизнь.

Через пару месяцев новорожденную навестил доктор Симон.

Посмотрел на ребенка, расспросил о житье-бытье, выпил чаю и ушел, чтобы снова вернуться через месяц.

Так и повелось. Приходил, пил чай, беседовал и уходил. Анна при этом большей частью молчала, но гнать не гнала.

В конце концов не выдержала Фефа.

— И долго ты будешь человеку душу мытарить? Подумай, чего ты ждешь? Иван Павлович — не фармазон какой-нибудь, а серьезный, положительный человек. Доктор опять же. Ежели тебе муж не нужен, подумай о ребенке. Как без отца расти станет?

Анна все понимала, но на следующий день явилась в больницу сама и попросила Симона больше не приходить.

Маша росла открытой и веселой, хорошо кушала, — на радость Фефе, — легко сходилась со сверстниками и шалила хоть и часто, но в меру.

Мама ее строжила, няня — баловала. Когда Фефино обожание зашкаливало, Анне приходилось ее осаживать, и этот процесс нельзя было назвать безболезненным.